

© 2016 г.

Борис Хейфец

доктор экономических наук,
главный научный сотрудник Института экономики РАН,
профессор Финансового университета при Правительстве РФ
(e-mail: bah412@rambler.ru)

ТРАНСРЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Проанализирована новая тенденция в развитии мировой экономики – трансрегионализация, которая приведет к кардинальному реформатированию глобального экономического пространства. Показаны особенности формирующихся экономических мегапартнерств. В связи с развитием конкурентного регионализма обоснован переход к качественно иному типу глобализации, а также выделены возможные проблемы, которые могут возникнуть в новой системе международного разделения труда.

Ключевые слова: мегарегионализация, трансрегиональное партнерство, глобальное экономическое пространство, конкурентный регионализм, Транстихокеанское партнерство, Региональное всестороннее экономическое партнерство.

Тенденция к трансрегионализации. Отличительной особенностью развития глобальной экономики последних десятилетий стало усиление процессов регионализации, которые охватывают отдельные группы стран, стремящихся к более тесному экономическому взаимодействию путем создания дополнительных институциональных предпосылок.

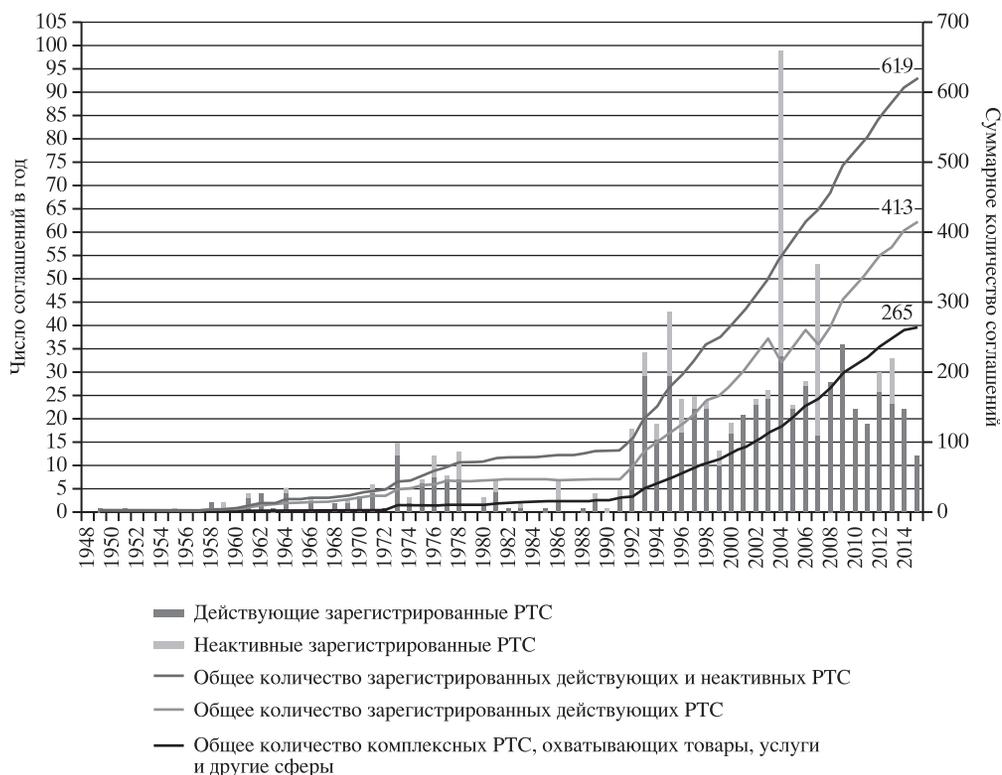
Согласно данным ВТО, на конец 2015 г. было зарегистрировано 619 региональных торговых соглашений (РТС). В силу вступили 413 РТС, из которых 233 относятся к соглашениям о свободной торговле, 128 – к соглашениям об экономической интеграции, 29 – к соглашениям о таможенных и подобных союзах.

Правила ВТО не только не препятствуют образованию преференциальных торговых союзов, но и говорят о желательности расширения свободы торговли посредством добровольных соглашений, более тесного объединения стран-участниц подобных соглашений. Однако эти правила формулируют жесткое условие, что создание таможенного союза или зоны свободной торговли не должно вести к ухудшению условий торговли участников таких союзов и других членов ВТО¹.

Подавляющее большинство РТС было заключено в последние 25 лет (см. рис. 1). При этом в 2000-е годы не только увеличивается число таких

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. Проект «Проблемы имплементации и ожидаемые эффекты Соглашения о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и Социалистической Республикой Вьетнам» № 16-27-09001.

¹ См. Статью XXIV Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) «Территориальное применение – пограничная торговля – таможенные союзы и зоны свободной торговли» (КонсультантПлюс 2015).

Источник: WTO (2016) База данных WTO (www.wto.org).

Рис. 1. Рост региональных торговых соглашений в мире, 1948–2015 гг.

соглашений, но появились первые и активно ведутся переговоры по новым соглашениям – *трансрегиональным*, большинство из которых можно отнести к *мегасоглашениям нового типа*.

Среди не включенных в таблицу трансрегиональных альянсов, которые уже работают или о формировании которых было заявлено, можно отметить соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) ЕС-Китай, ЗСТ США – Индия, менее масштабные проекты – СНГ, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Тихоокеанское соглашение о тесных экономических отношениях (PACER Plus – Австралия, Новая Зеландия, Форум островов Тихого океана), ЗСТ США–Марокко (DCFTA), ЗСТ США–Таиланд, Общий рынок Восточной и Южной Африки (COMESA), ЗСТ ЕС – Вьетнам и ряд других. Новым форматом Евросоюза становятся соглашения о глубокой и всесторонней ЗСТ (Deep and Comprehensive Free Trade Area) с третьими странами. Такие соглашения подписаны или готовятся с Грузией, Молдавией, Украиной, со странами Средиземноморской арабской ЗСТ (Египтом, Иорданией, Марокко и Тунисом).

О том, насколько серьезна роль подобных соглашений в мировой экономике, можно судить по показателям отдельных стран, входящих в эти

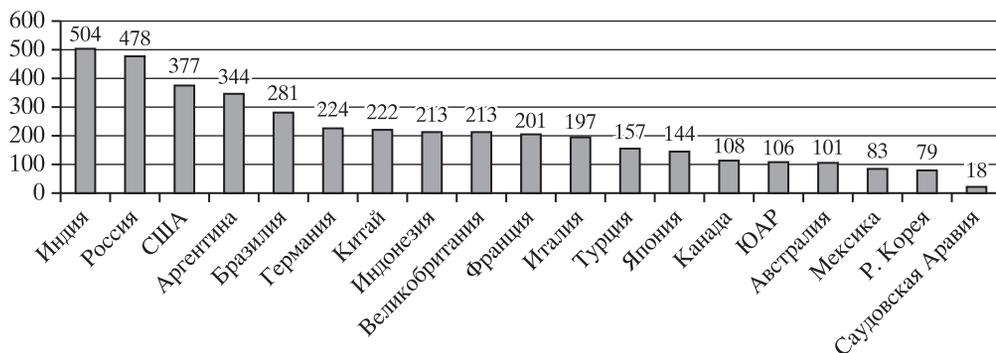
Таблица 1

Многосторонние мегапроекты трансрегиональных экономических партнерств

Соглашения	Участники	Число стран	Доля в мировом итоге в 2014 г.,%			
			ВВП*	Экспорт товаров	Экспорт услуг	Накопленные ПИИ
Транстихоокеанское партнерство (ТТП)	Австралия, Бруней, Канада, Чили, Япония, Малайзия, Мексика, Новая Зеландия, Перу, Сингапур, США, Вьетнам	12	42 (28)	23	25	33
Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТАТИП)	Страны ЕС (28), США	29	47 (33)	24	40	39
Всестороннее экономическое и торговое соглашение	Страны ЕС (28), Канада	29	28 (19)	18	28	38
ЗСТ ЕС-Япония	Страны ЕС (28), Япония	29	32 (22)	19	29	36
Региональное всестороннее экономическое партнерство (РВЭП)	Страны АСЕАН (10), Австралия, Китай, Япония, Индия, Республика Корея, Новая Зеландия	16	29 (31)	34	16	20
Экономический пояс нового «Шелкового пути» (только сухопутные маршруты)	Китай, Казахстан, Киргизия, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Иран, Ирак, Сирия, Азербайджан, Грузия, Турция, Украина, Россия, Беларусь, Польша, Германия, Голландия, Франция, Болгария, Румыния, Италия. Испания и другие	>30	>45 (>35)	>35	>25	>20

*по номинальному валютному курсу, в скобках – по ППС

Источник: IMF (2016). База данных (www.imf.org), WTO (2016). База данных (www.wto.org), UNCTAD (2015). База данных (www.unctad.org)

Источник: Evenett S., Fritz J. (2015) *The Tide Turns? Trade, Protectionism, and Slowing Global Growth*. London: CEPR Press. P. 22.

Рис. 2. Принятые странами G20 протекционистские меры в 2008–2015 гг.

объединения (см. табл. 1). За счет взаимного пересечения (вхождения в разные союзы одних и тех же стран) доля отдельных мегартнерств в мировом ВВП (по номинальному валютному курсу) составляет 30–45%, в мировой торговле – 20–35%, в накопленных ПИИ – 20–40%. Это огромные части глобального экономического пространства.

Развитие трансрегионального взаимодействия позволяет говорить о появлении нового явления в мировой экономике – трансрегионализма, приоритетом которого является в первую очередь общность экономических интересов, а не территориальная близость и наличие общих границ. Именно *согласованные экономические интересы и соответствующие межгосударственные договоренности определяют эффективность такого взаимодействия, тогда как экономическая роль географического соседства в условиях развития новых видов транспортных сетей и других коммуникаций отходит на второй план.*

Среди причин появления тенденций к трансрегионализму можно отметить, с одной стороны, усилившиеся в результате последнего глобального финансово-экономического кризиса тенденции национального протекционизма.

По данным Global Trade Alert¹, проанализировавшей разнообразный набор протекционистских практик (внутреннее субсидирование, ограничения на иностранные инвестиции и дискриминационные процедуры в госзакупках), с 2008 г. до середины октября 2015 г. странами G20 было применено почти 5000 таких практик, несмотря на прямо противоположные призывы их саммитов на высшем уровне (см. рис. 2).

¹ GTA – мониторинг протекционистских и антипротекционистских мер, принимаемых государствами, который с конца 2008 г. ведут независимые эксперты под эгидой лондонского Центра исследований экономической политики (CEPR).

Самыми защищаемыми отраслями, где использовались протекционистские меры, являлись машиностроение и сельское хозяйство.

Интересны данные о наиболее пострадавших от применения дискриминационных мер стран. Лидером здесь является Китай – 2429 мер в 2008–2015 гг., против США использовались 1790 мер, против стран ЕС – 2297 мер¹.

С другой стороны, неудовлетворенность работой ВТО как глобального регулятора мировой торговли связана с ее «неповоротливостью», когда необходимо согласование интересов большого числа членов этой организации (162 на начало 2016 г.). Об этом свидетельствуют затянувшиеся с 2001 г. переговоры в рамках Дохийского раунда о дальнейшей либерализации мировой торговли. Во время этих переговоров не удается преодолеть противоречия развитых и развивающихся стран по либерализации мировой торговли аграрной продукцией, облегчению доступа к несельскохозяйственным рынкам, либерализации финансовых услуг, защите интеллектуальной собственности и т.п. Развитые страны хотят получить больше доступа к промышленному сектору развивающихся стран, последние, в свою очередь, опасаются, что это может привести к снижению темпов экономического роста.

Неэффективность ВТО как глобального регулятора можно подтвердить и рядом других моментов в его деятельности. Например, длительными переговорами по принятию новых членов, особенно крупных, когда согласование двусторонних условий торговли с несколькими десятками заинтересованных стран затягивается на 10–15 и более лет. Одним из ярких проявлений неэффективности ВТО стала пассивность этой организации при санкционных войнах России в 2014–2016 гг.

Еще одной причиной усиления транснационального регионализма стали обострившиеся проблемы в развитии интеграционных объединений. И это касается не только ряда амбициозных проектов в Латинской Америке, но и самого старого интеграционного альянса – Евросоюза.

Партнерства – новая форма экономической интеграции. Новые трансрегиональные альянсы, прежде всего крупнейшие из них, получили название партнерств – ТТП, РВЭП, ТАТИП, большинство других обозначается как ЗСТ. В данной связи целесообразно остановиться на понимании термина «экономическое партнерство» как новой перспективной формы межгосударственных альянсов.

Одним из популярнейших механизмов организации региональных и трансрегиональных объединений являются ЗСТ, в рамках которых, в первую очередь, отменяются таможенные пошлины, налоги и сборы, а также количественные ограничения во взаимной торговле, то есть устраняются торговые барьеры между странами участниками ЗСТ. В то же время

¹ *Evenett S., Fritz J. (2015) The Tide Turns? Trade, Protectionism, and Slowing Global Growth. London: CEPR Press. P. 24.*

каждый участник ЗСТ может вести собственную торговую политику по отношению к третьим странам.

Существуют несколько типов ЗСТ. Их наиболее распространенная форма затрагивает только торговлю товарами. При этом допускается наличие значительного количества изъятий и ограничений, позволяющих установить переходный период в либерализации условий торговли и защитить отдельные наиболее чувствительные производства.

Вместе с торговлей товарами другой тип ЗСТ охватывает режим торговли услугами, еще один тип предусматривает либерализацию условий для межгосударственных инвестиций. Существуют ЗСТ, которые кроме названных выше областей, содержат меры по либерализации связей в других сферах (электронная торговля, обмен информацией, развитие малого и среднего бизнеса, стандарты в сфере занятости, экологии и т.п.). При охвате большего числа сфер взаимодействия соглашения о ЗСТ модифицируются в соглашения об экономическом партнерстве, или как их еще называют соглашениях о ЗСТ по модели «ВТО плюс». Последняя означает принятие на себя каждой участницей соответствующего соглашения обязательств по условиям торговли и другим сферам экономического взаимодействия сверх обязательств, принятых ею в рамках ВТО.

Исходя из классической пятистадийной теории экономической интеграции Б. Балаши, экономические партнерства можно отнести к самой первой интеграционной стадии – ЗСТ с элементами третьей стадии, подразумевающей создание регулируемых по общим правилам зон свободного движения товаров, услуг, отчасти капиталов, в первую очередь инвестиций. Партнерства не предполагают создания *таможенных союзов*, т.е. проведения единой таможенной политики по отношению к третьим странам. Тем самым для *третьих стран* теоретически остаются возможности устанавливать отношения разного уровня и в различных форматах с отдельными участниками партнерств.

Новые экономические партнерства не предусматривают образования валютных союзов с их строгими правилами и ограничениями в макроэкономической и валютно-финансовой сфере. В расчетах будут использоваться разные валюты, прежде всего эмитируемые самыми мощными в экономическом отношении игроками (доллар, евро, а в партнерствах с участием Китая все более прочные позиции завоюет юань и другие национальные валюты).

Правда, во время переговоров по ТТП обсуждался вопрос о заключении специального дополнительного соглашения, по которому страны-участницы партнерства брали бы на себя обязательства не развязывать валютных войн. Потому что манипулирование валютными курсами ведет к недобросовестной конкуренции в торговле и к управлению потоками капиталов, то есть противоречит идеологии партнерства. Однако этот вопрос пока остался открытым.

В случае экономических партнерств также не идет речи о формировании надгосударственных органов. То есть они не связаны с созданием мощного бюрократического аппарата, не позволяющего чутко реагировать на постоянно возникающие вызовы мирового развития. Фактически единственными межгосударственными институтами, регулирующими деятельность экономических партнерств, являются соответствующие межгосударственные соглашения о создании таких партнерств. Хотя нормы, закрепленные в этих соглашениях, и предполагают внесение определенных изменений в национальные правила регулирования экономической деятельности, но степень этих изменений будет определять каждый из участников партнерств. Для решения ряда затрагивающих интересы ряда участников вопросов, например коммерческих споров, партнерства опираются, прежде всего, на использование существующих межгосударственных институтов, в частности, международного арбитража, Всемирной организации интеллектуальной собственности.

Могут быть созданы и некоторые межгосударственные организации, которые позволят лучше координировать деятельность отдельных государств. Но их решения не будут обязательны для исполнения национальными органами управления. К подобным институтам относится, например, Комитет по развитию в ТТП для содействия взаимному сотрудничеству. Он будет осуществлять обмен информацией и опытом стран-участниц соглашения, обсуждать проблемы, которые возникли в процессе сотрудничества, и перспективы совместной деятельности по развитию торговли и инвестиций, привлекать международных доноров, частные предприятия, неправительственные организации и другие соответствующие институты для поддержки совместной деятельности и т.п.

Отсутствие необходимости делегировать части своего суверенитета на наднациональный уровень и жестких требований по унификации макроэкономической и валютно-финансовой политики делает новые партнерства более устойчивыми элементами новой модели глобального экономического пространства по сравнению с традиционными региональными интеграционными объединениями. У последних наблюдается усиление противоречий и нарастание дезинтеграционных тенденций именно в связи с необходимостью выполнения некоторых навязываемых наднациональных решений.

Это не означает, что новые экономические партнерства не будут иметь таких проблем в своем развитии. Просто создание подобных партнерств прагматичнее, чем трата огромных усилий и средств на формирование и поддержание стабильности классических интеграционных объединений, которые предполагают определенную последовательность и взаимоувязанность конкретных стадий интеграционного процесса. Партнерства больше приспособлены для своей трансформации путем их расширения или сжатия.

Гибкость новых экономических партнерств обеспечивается и тем, что условия их функционирования будут существенно различаться в зависимости от достигнутых договоренностей стран-участниц. Это могут быть более тесные союзы, предполагающие наличие большего круга норм, обязательных для их выполнения. Или «мягкие» союзы, обеспечивающие приоритетный режим взаимодействия по ограниченному кругу областей.

В данной связи целесообразно рассмотреть особенности некоторых новых экономических партнерств.

Транстихоокеанское партнерство. Это крупнейшее экономическое партнерство, по которому 5 октября 2015 г. в американской Атланта были достигнуты принципиальные договоренности представителями 12 стран-учредителей – США, Японии, Малайзии, Вьетнама, Сингапура, Брунея, Австралии, Новой Зеландии, Канады, Мексики, Чили и Перу. Официальное же подписание соглашения состоялось 4 февраля 2016 г. В течение последующих 2-х лет оно должно вступить в законную силу после того, как его ратифицируют как минимум шесть стран, составляющих не менее 85% суммарного ВВП ТТП.

Идея создания ТТП впервые была выдвинута в 2003 г. Новой Зеландией, Сингапуром и Чили. В 2005 г. к ним присоединился Бруней, и этими 4 странами было подписано соглашение об учреждении ТТП (вступило в силу в 2006 г.), предусматривавшее создание ЗСТ. Этот проект оставался бы рядовой ЗСТ, если бы в 2008 г. им не заинтересовались США, а позднее и ряд других стран АТЭР, которые с 2010 г. стали вести официальные переговоры по поводу расширения ТТП. В 2013 г. к переговорщикам присоединилась Япония. Всего состоялось 19 раундов таких переговоров.

ТТП «наложилось» на фундамент из ряда подписанных в прошлом соглашений о свободной торговле, хотя и заметно отличается от них по согласованным условиям своего функционирования. Всего у участников ТТП, если исключить двойной счет, на начало 2016 г. имелось более 40 подобных двусторонних и многосторонних соглашений.

Официально участники ТТП провозглашали, что создание партнерства должно было стать альтернативой уже имеющихся в Тихоокеанской зоне экономических союзов, прежде всего АСЕАН и АТЭС, и обеспечить более либеральные условия торговли, чем предусматривают правила ВТО и существующие там ЗСТ. Однако подспудно явным двигателем этого проекта было стремление США противостоять растущему влиянию Китая, сохранить свой контроль над Тихоокеанской зоной и восстановить свои позиции в Азии.

Как отмечал Б. Обама, «более 95% потенциальных потребителей нашей продукции живут за границами США. Это значит, что мы не можем позволить странам вроде Китая определять правила мировой экономики. Эти правила должны написать мы, открывая новые рынки американским

товарам, устанавливая высокие стандарты охраны труда и экологии»¹. В соглашении о ТТП эти правила написаны при активном участии США, которые на всех рекламно-информационных материалах, размещенных на сайте Офиса торгового представителя США, в правом верхнем углу размещают логотип – «ТТП – сделано в США»². США позиционируют ТТП как «соглашение о свободной торговле XXI века», «новый золотой стандарт торговли».

«Пряником» для участия в ТТП было практически полное открытие емкого американского рынка и рынков других стран-участниц. В ТТП обнуляется примерно 99% всех импортных таможенных пошлин. Это касается, например, 18 тыс. пошлин у США. Благодаря ТТП крупнейший в мире экспортер молочных продуктов – Новая Зеландия добилась облегчения доступа на американский рынок, а США – на закрытый сельскохозяйственный рынок Японии.

Правда, процесс отмены пошлин будет идти поэтапно, причем для ряда позиций предусмотрен щадящий переход. Так, импортные пошлины США на японские легковые автомобили с современных 2,5% через 15 лет снизятся до 2,25%, а в последующие 10 лет – до 0. Так же поэтапно будут отменяться или существенно увеличиваться экспортные квоты на некоторые продукты³. Последними (через 30 лет после вступления в силу ТТП) будут отменены пошлины США на грузовики из Японии (25%) и на канадский молочный шоколад.

Революционные изменения коснутся торговли услугами, пошлины в которой превышают товарные. Например, они оцениваются в среднем в 15–17% в Канаде, Австралии и Японии, 44% – в Мексике (The Economist 2015).

Существенно для либерализации взаимной торговли и то, что ликвидируются нетарифные барьеры, в том числе многие обременительные таможенные процедуры, запреты на допуск к госзакупкам иностранных компаний, ограничения для их работы на рынках общественных услуг и т.п.

«Кнутом» служит обязательное симметричное открытие рынков других стран-участниц и выполнение ряда жестких норм в связанных с торговлей товарами и услугами областях. В том числе по защите интеллектуальной собственности, охране окружающей среды или по правам работников (признание квалификации) и трудовым отношени-

¹ Obama B. (2015) Statement by the President on the Trans-Pacific Partnership. The White House Office of the Press Secretary. October 5 (<https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/10/05/statement-president-trans-pacific-partnership>).

² Офис торгового представителя США – правительственное агентство, занимающееся разработкой торгового законодательства США, составлением двухсторонних и многосторонних торговых соглашений, координацией внешнеэкономической политики (US Trade Representative – <https://ustr.gov/trade-agreements/free-trade-agreements/trans-pacific-partnership/tpp-full-text>).

³ Например, временно сохраняется квотирование для поставок в США сахара из Австралии, сыра и ряда молочных продуктов из Канады, в Японию – хлебопекарной продукции, риса, многих видов продовольствия.

ям, которые не должны вести к бесконтрольной эксплуатации работников, способствующей возникновению необоснованных конкурентных преимуществ.

Большое внимание уделяется правилам происхождения продуктов, целью которых является ограничение участия товаров в льготной торговле внутри ТТП, если они не произведены в странах-участницах. Например, в ТТП в текстильной и швейной промышленности для пользования таможенными льготами допускаются товары, где доля продукции не из страны-участницы соглашения не превышает 10%. При этом имеются некоторые исключения. Для сырья и материалов с точки зрения их происхождения возможен льготный период в течение 5 лет со времени вступления в силу соглашения о ТТП, когда могут применяться другие правила. Это очень важно для ряда участников соглашения, например Вьетнама. Исключения касаются и автомобильной промышленности, где допускается доля производимых в странах ТТП и экспортируемых ими на льготных условиях готовых автомобилей в 45%, а компонентов в 35–45%. Это в принципе позволяет развивать кооперацию с не входящими в ТТП государствами, однако подобные исключения немногочисленны.

В целом, в условиях, когда многие готовые изделия являются конечным продуктом межгосударственных производственных цепочек, несоответствие принятым критериям происхождения производимого в одной из стран партнерства товара в некоторых случаях может стать серьезным препятствием для сотрудничества с третьими странами.

Выдвигаются и требования политического характера – развитие демократии, открытость власти и борьба с коррупцией и т.п. В ТТП ликвидируются ограничения на свободную отправку данных за границу и на размещение публичных компьютерных серверов только в определенной стране. Предусматривается обязательное введение в национальное законодательство норм по уголовному наказанию за хакерские нападения, сопровождающиеся кражей данных, в том числе коммерческих.

Особенность ТТП заключается в том, что новые страны при присоединении к нему должны будут в основном полностью согласиться с уже принятыми нормами, в то время как 12 первичных членов согласовывали условия своего участия во время соответствующих поэтапных переговоров. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в ноябре 2015 г., когда впервые было полностью опубликовано соглашение о ТТП, США пригласили Россию и Китай в это мегапартнерство, понимая всю сложность практической реализации такого приглашения.

Вступив в ТТП, Социалистическая Республика Вьетнам пошла на такой неожиданный для своей внутренней политики шаг, как создание независимых профсоюзов, которые занимались бы реальной защитой интересов трудящихся. Экономические выгоды от членства в ТТП для

Вьетнама высоки. На Вьетнам приходится почти треть американского импорта одежды. Обнуление таможенных пошлин на товары швейной промышленности предоставит вьетнамским производителям существенную выгоду. Также предусмотрены временные исключения по поводу происхождения сырья для швейной промышленности¹. Для Вьетнама будет применяться и значительное число исключений по поводу регулирования деятельности госкомпаний.

Нельзя не учитывать и влияние ТТП на развитие сотрудничества в других областях, например в военной сфере. Это серьезный аргумент для Вьетнама, особенно в связи с его территориальными конфликтами с Китаем в Южно-Китайском море.

Всего соглашение о ТТП содержит 30 разделов и примерно 600 страниц текста. Оно также имеет объемные приложения (более 3900 страниц), которые детализируют и дополняют положения, включенные в основную часть соглашения, а также содержит информацию о не согласованных всеми участниками ТТП нормах.

Региональное всестороннее экономическое партнерство. Переговоры о создании РВЭП были начаты в ноябре 2012 г. во время саммита АСЕАН в Камбодже. Хотя идея подобного соглашения первоначально была выдвинута Японией и поддержана Индией, предполагалось, что центром формирования такого альянса станет АСЕАН, которая в последнее десятилетие далеко продвинулась по пути региональной интеграции.

РВЭП фактически развивает уже достигнутые договоренности в рамках образованного в 2010 г. Всестороннего экономического партнерства для Восточной Азии (Comprehensive Economic Partnership for East Asia), которое составили те же 16 его участников. РВЭП также является результатом практической реализацией задач, которые были поставлены в стратегии Восточноазиатского экономического сообщества (2005 г.), где были выделены несколько возможных моделей развития – АСЕАН + 6, АСЕАН + 3 (Китай, Республика Корея и Япония) и АСЕАН + 1 + 1 + 1.

Существенным моментом для РВЭП является его активная поддержка таким крупнейшим экономическим игроком в современной мировой экономике, как Китай. Проект РВЭП полностью отвечает приоритетам китайской внешнеэкономической политики и является его альтернативным ответом на ТТП.

Соглашение о РВЭП будет касаться торговли товарами и услугами, инвестиций, некоторых важнейших вопросов экономического и технического сотрудничества, конкуренции, защиты интеллектуальной собственности, урегулирования споров и некоторых других. Иными словами,

¹ Цветов А. (2015) Без Китая и с реформами: зачем Вьетнаму Транстихоокеанское партнерство (<http://carnegie.ru/2015/10/14/ru-61587/ij3d>).

основные направления РВЭП в общем плане совпадают с ТТП. При этом в качестве базовых в РВЭП использованы принципы, которые применяются в АСЕАН и ее существующих соглашениях о ЗСТ с третьими странами. Это относится, например, к торговле текстилем и одеждой, правилам происхождения товаров, таможенным процедурам, техническим барьерам в торговле, санитарным и фитосанитарным нормам, торговым поощрительным мерам, финансовым услугам, телекоммуникациям, юридическим и организационным вопросам. При этом важнейшим принципом АСЕАН является консенсусный подход при реализации совместных мероприятий и движение со скоростью «самого медленного верблюда в караване»¹. В отличие от ТТП в РВЭП специально не выделяются такие области, как временные въездные визы, охрана окружающей среды, государственные закупки, трудовые отношения и некоторые другие вопросы. Существенно и то, что соглашение о РВЭП в большей мере отвечает так называемому формату «живого документа», то есть может быть дополнено и изменяться в процессе его реализации. Кроме того, соглашение о РВЭП с самого начала предполагало формирование специального дифференцированного режима для менее развитых его участников. Это определяет большую гибкость РВЭП и его привлекательность для развивающихся стран. В первую очередь это соглашение открыто для стран, имеющих соглашения о ЗСТ с АСЕАН.

Многие такие особенности позволяют некоторым экспертам говорить о РВЭП как соглашении «XX века» по сравнению с соглашением о свободной торговле «XXI века» – ТТП², хотя, на мой взгляд, это более чем спорный вопрос. Ожидается, что 16 участников РВЭП подпишут окончательный вариант соглашения в сентябре 2016 г. после завершения последнего 14-го раунда переговоров. По своему экономическому потенциалу (по ВВП по ППС) РВЭП будет сопоставимо с ТТП, а по доле в мировой торговле превзойдет его.

Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство. АТИП между США и ЕС станет самой большой ЗСТ и свободным экономическим пространством в мире. На него придется почти половина мирового ВВП, около 40% ПИИ и более трети мировых торговых потоков. В перспективе в проект могут быть включены Канада, Мексика, Швейцария, Лихтенштейн, Норвегия и Исландия, а также страны-кандидаты в члены ЕС, что еще больше расширит экономический потенциал ТАТИП.

Идея подобного соглашения появилась в начале 1990-х годов, когда 12 стран, входивших в ЕС, и США подписали «Трансатлантическую декларацию», призывавшую к углублению сотрудничества по

¹ Канаев Е.А. (2013) ТТП и РВЭП в системе экономического регионализма // Современные и перспективные направления сотрудничества России с экономикой АТЭС. Комсомольск-на-Амуре. С.63.

² Nakagawa J. (2014) TPP, RCEP and Global Trade Governance (<https://www.swp-berlin.org>). P. 8.

разным направлениям, в том числе в области торговли. Эта идея получила новый импульс в 2006 г. благодаря А. Меркель, которая в ответ на провал переговоров в рамках ВТО в Дохе предложила создать ЗСТ ЕС-США. В 2007 г. был создан «Трансатлантический экономический совет», а в 2011 г. была образована группа экспертов высокого уровня, которые рекомендовали начать переговоры о широкомаштабном соглашении о свободной торговле. Идею создания ЗСТ с ЕС с 2013 г. активно продвигали США. Переговоры велись «за закрытыми дверями», но в 2014 г. в силу утечки информации ЕС был вынужден обнародовать некоторые сведения о готовящемся соглашении.

Содержание этого соглашения во многом совпадает с соглашением о ТТП. Однако в нем больше внимания уделено вопросам инвестиционного сотрудничества, нетарифным барьерам в торговле, включая санитарные и фитосанитарные меры, защите чувствительных секторов сферы услуг (телевидение, радио, кино, здравоохранение, образование, социальные услуги, водоснабжение и т.п.), а также специальным отраслевым соглашениям о торговле, которые охватывают текстиль, химические продукты, фармацевтическую промышленность, пестициды, косметику, медицинское приборостроение, автомобильное производство, электронику и производство оборудования.

В принципе уровень таможенной защиты в торговле США и ЕС высок. Для более половины торговых потоков между ЕС и США нет таможенных барьеров. Однако по некоторым позициям, например по одежде и обуви, тарифы достигают 30%. Существенные различия в тарифах имеются по аграрной продукции. В ЕС они составляют для импорта из США 18%, а американские тарифы для импорта из ЕС почти вдвое меньше. Для автомобилей импортные пошлины в США составляют 25%, а в ЕС – только 10%, для железнодорожных вагонов – 14% и 1,7% соответственно.

В то же время существуют многочисленные нетарифные барьеры, препятствия для инвестиций и другие ограничения, которые сдерживают развитие взаимных связей. Между обеими сторонами нередко возникают торговые споры, которые переносились в ВТО.

Изначально завершить переговоры по ТАТИП США – ЕС предполагалось до конца 2014 г., но эта цель была отложена сначала на 2015 г., а затем на 2016 г. Дело в том, что у этого соглашения оказалось много противников. За базу о ТАТИП предполагалось взять Всестороннее экономическое и торговое соглашение ЕС-Канада (Canada-European Union Comprehensive Economic and Trade Agreement – СЕТА), но его подписание в 2015 г. также было отложено на 2016 г.

Экономический пояс Шелкового пути (ШП) и Морского Шелкового пути (МШП) XXI века. Это может стать новой, менее обязательной для своих членов формой экономического партнерства, в отличие от рас-

смотренных выше альянсов. Сейчас до конца не ясны четкие очертания этого проекта, который активно обсуждается на различных форумах. ОЭСР называет цифру возможных участников проекта в 60 государств и международных организаций. Он охватит страны, где проживает около 4 млрд. человек (немногим менее 60% всего населения планеты)¹. Данный проект может стать самым крупным современным экономическим партнерством, охватывая страны, производящие более 45% мирового ВВП (только сухопутные маршруты и с учетом европейских государств, где будут расположены их конечные пункты).

Планы реанимировать старый ШП выдвигались ЕС и США в конце XX века. Однако Китай развил эту идею, наполнив ее новым концептуальным и материальным содержанием. Особенность китайского проекта заключается в том, что он вовлекает в процессы трансрегионализации многие развивающиеся страны, которые не входят в рассматривавшиеся выше мегапартнерства. Тем самым он создаст реальные предпосылки для выстраивания в будущем общего экономического пространства для стран Европы, Азии и Африки.

При этом Экономический пояс ШП и МШП станет самым мягким и гибким современным партнерством. Он предполагает, что его участники будут обмениваться мнениями относительно путей экономического развития для того, чтобы выявить потенциальные конфликтные точки, устранить их и приступить к объединению стратегий развития с учетом экономической, политической, правовой практик стран – участниц этого проекта (Чжочао 2015). Привлекательность Экономического пояса ШП и МШП обеспечивается не только охватом большой группы стран, но и гибкостью его механизмов. Присоединиться к проекту могут все заинтересованные государства и компании, которые могут сами выбрать желательный для себя уровень и формат взаимодействия. В этом смысле Экономический пояс ШП и МШП может быть назван моделью *«открытого партнерства»*.

Сказанное выше не умаляет того факта, что этот проект несет существенные геополитические и экономические выгоды для Китая, особенно в связи с формированием ТТП и ТАТИП.

Хотя впервые о проекте ШП и МШП было заявлено в октябре 2013 г., только в марте 2015 г. был опубликован первый официальный документ «Концепция и план действий по содействию совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Из него следует, что основная цель этого проекта – стимулирование упорядоченного и свободного потока экономических факторов, высокоэффективного распределения ресурсов и глубокой рыночной инте-

¹ OECD (2015) A silk road for the XXI century: initial reflections on new opportunities for partnerships (<http://en.drc.gov.cn/OECD.pdf>). P. 4.

грации путем укрепления связей и взаимодействия между Азией, Европой и Африкой, а также в омывающих их берега морях¹.

Экономический пояс ШП и МШП не предполагает заключения общеглобального соглашения, как в ТТП, ТАТИП или РВЭП. Среди его задач уже заявлены многие цели, совпадающие с целями «Программы устойчивого развития до 2030 г.», которая была принята на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 2015 г. Среди них: содействие развитию, развитие конкуренции, защита потребителей, поддержка малого и среднего бизнеса, развитие науки и трансфер технологий, обмен передовым опытом, обеспечение продовольствием, улучшение управления сельским и лесным хозяйством, укрепление контактов между региональными (местными) органами власти, городами, людьми и т.п. В то же время на экономическом пространстве этого проекта уже существуют более тесные союзы в виде ЗСТ и возможно заключение новых соглашений такого рода.

Важнейшей стороной проекта Экономического пояса ШП и МШП является его транспортно-инфраструктурная компонента, которая во многом обусловила рождение идеи самого проекта в современном понимании. ШП пройдет по территориям, которые характеризуются невысоким уровнем развития инфраструктуры, позволит существенно сократить сроки поставки экспортных и импортных товаров. Например, путь из Китая в Германию по железной дороге займет 16 дней, тогда как его морская альтернатива – вдвое больше. Между тем у стран первых в мировом рейтинге по объему внешней торговли – ЕС и Китая, налажены интенсивные торговые связи. На ЕС в 2014 г. приходилось 16% всего экспорта и 12% импорта Китая. У ЕС на Китай – 9% экспорта и 17% импорта. В логистике ШП и МШП заинтересованы многие другие потенциальные участники этого проекта. Так, у Казахстана на ЕС в 2014 г. приходилось 41,2% всего товарооборота страны, что в два раза больше, чем доля государств ЕАЭС, членом которого он является.

Одновременно для стран Центральной Азии и России ШП открывает дорогу к китайскому порту Ляньюнган, через который будут поступать как экспортные, так и импортные грузы для/из государств Юго-Восточной Азии. Осуществлять транзит своих грузов в Европу через Китай собирается Монголия. Иными словами, речь идет о создании трансевроазиатской системы транзита.

Для имеющих более удачное транспортное положение потенциальных участников этого проекта, например Индии или Бангладеш, создание новой логистики ШП и МШП будет означать упрощение бумажных и других бюрократических процедур, на которые тратится 2/3 времени при

¹ Посольство КНР в Москве (2015) Китай опубликовал план действий по строительству «экономического пояса Шелкового пути» и «морского Шелкового пути 21-го века» (<http://ru.china-embassy.org/rus/zgxw/t1251070.htm>).

транспортировке грузов¹. Эта проблема существует и на границах ЕАЭС, где забюрократизированность таможенных процедур задерживает грузы на 3–6 дней, съедая все выгоды от сокращения времени их физического перемещения.

Среди важнейших целей Экономического пояса ШП и МШП можно назвать стимулирование взаимной торговли путем упрощения процедур торговли и инвестиций и ликвидации существующих в этой сфере барьеров; использование уникальных природных преимуществ стран-участниц через многосторонние механизмы и многоуровневые платформы; усиление двустороннего и многостороннего сотрудничества в финансовой сфере, расширение расчетов в национальных валютах, развитие финансовых институтов и укрепление их конкурентоспособности; активизация человеческих контактов и т.п. Инициатор этого проекта – Китай – подчеркивает, что это не интеграционная структура, не региональная или международная организация, а инициатива взаимовыгодного сотрудничества и совместного развития. Она открыта, всеобъемлюща, лишена жестких ограничительных рамок и приветствует участие всех стран и международных организаций².

Притягательность проекта Экономического пояса ШП и МШП также связана с его лучшей финансовой обеспеченностью. Для реализации этого проекта созданы соответствующие институты, которые будут оказывать содействие в строительстве национальных инфраструктурных объектов. Это специальный Фонд ШП объемом 40 млрд. долл. и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) с уставным капиталом 100 млрд. долл., учредителями которого стали 57 государств, в основном из Азии и Европы. Доля трех крупнейших акционеров АБИИ Китая, Индии и России составила 30,34%, 8,52% и 6,66% соответственно. О большой заинтересованности в этом институте свидетельствует то, что заявки на участие в АБИИ были собраны менее чем за полгода, они продолжают поступать и после окончания установленного срока их приема. В финансировании проектов ШП и МШП будут также принимать участие Азиатский банк развития, Новый банк развития БРИКС и другие международные институты.

Конкуренция мегапартнерств и глобализация. Формирующиеся трансрегиональные экономические партнерства, охватывая свыше 4/5 мировой торговли и инвестиций, устанавливают новые стандарты глобального регулирования, которые предопределяют будущие особенности мирового развития и повлияют на экономические связи всех государств нашей планеты.

¹ OECD (2015) A silk road for the XXI century: initial reflections on new opportunities for partnerships. P. 13 (<http://en.drc.gov.cn/OECD.pdf>).

² См. Чжочао Ю. (2015) Проект 21 века – экономический пояс Шёлкового пути (<http://rusila.su/2015/10/22/proekt-21-veka-ekonomicheskij-poyas-shyolkovogo-puti/>).

Не случайно, что наряду со сторонниками появилось много критиков трансрегиональных соглашений, прежде всего ТТП и ТАТИП. Так, лауреат Нобелевской премии Д. Стиглиц и А. Херш пишут, что условия ТТП приведут к ограничению открытой конкуренции и росту цен для потребителей в США и по всему миру, что является неприемлемым для свободной торговли. ТТП будет контролировать торговлю на фармацевтическом рынке с помощью целого ряда неявных изменений в правилах, касающихся таких вопросов, как «привязка к патенту», «эксклюзивность данных» и «биопрепараты». Стиглиц и Херш аргументированно доказывают, что международные соглашения Америки создают не свободную торговлю, а управляемую. Так происходит, когда к процессу принятия решений не допускаются представители интересов, не связанных с бизнесом¹.

В докладе Исследовательского института Credit Suisse рассматривается три потенциальных сценария будущего, из которого наиболее вероятный следующий – ни абсолютного расширения глобализации с организацией единого центра, ни полного распада мира на мозаику. Вместо этого остается многополярный и более регионально ориентированный мир. Барьеров в торговле будет становиться все больше, все больше компаний будет сосредоточено на региональных и внутренних рынках, чем на глобальном².

По мнению И. Комарова, гармонизация торговых стандартов в рамках трансрегиональных партнерств может привести к появлению новых нетарифных ограничений для товаров извне, потребуются время и средства для соответствия им со стороны третьих стран. Это отрицательно скажется на развитии процессов глобализации³.

О негативном влиянии новых трансрегиональных партнерств на процесс глобализации пишет В. Мау: тенденция к корректировке модели глобализации становится все более очевидной. По-видимому, расширение многосторонней (всеобщей) интеграционной повестки в мире будет переживать долгосрочный застой: ВТО сможет обеспечивать лишь определенный уровень либерализации мировой торговли и будет задавать границы допустимого протекционизма, за которые мировая экономика не будет выходить⁴.

Критика ТАТИП в ЕС касается снижения по сравнению с принятым в Европе уровнем стандартов в социальной, правовой и экологической сфере, что отвечает интересам американских компаний. Это касается,

¹ *Stiglitz J., Hersh A. (2015) The Trans-Pacific Free-Trade Charade* (<http://www.project-syndicate.org/commentary/trans-pacific-partnership-charade-by-joseph-e--stiglitz-and-adam-s--hersh-2015-10>).

² Credit Suisse Research Institute (2015) *The End of Globalization or a more Multipolar World?* P. 6.

³ *Комаров И. (2015) Россия в системе новых глобальных торговых партнерств* (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6358#top-content).

⁴ *Мау В. (2016) Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // Вопросы экономики. № 2.*

Таблица 2

Различия 12 стран ТТП по отдельным экономическим характеристикам

	Население, 2014 г., млн. чел.	ВВП в номинальном выражении на д.н., 2014 г., тыс. долл.	Доля в общем ВВП (по ППС) стран ТТП, 2014, %	Доля высокотехнологичной продукции в экспорте обрабатывающей промышленности, 2013, %	Средний уровень импортных пошлин, 2014, %		Место в рейтинге конкурентоспособности, 2015–2016 гг.	Место в рейтинге «Doing Business», 2015
					Все товары	Аграрная продукция		
Австралия	23,5	61,9	3,7	13	2,7	1,2	21	13
Бруней	0,4	41,0	0,1	15	1,2	0,1	...	84
Канада	35,5	50,2	5,4	14	4,2	15,9	13	14
Чили	17,8	14,5	1,4	5	6,0	6,0	35	48
Япония	127,1	36,2	16,0	17	4,2	14,3	6	34
Малайзия	29,9	11,3	2,5	44	6,1	9,3	18	18
Мексика	125,4	10,3	7,2	16	7,5	17,6	57	38
Новая Зеландия	4,5	37,9*	0,5	10	2,0	1,4	16	2
Перу	30,9	6,5	1,3	4	3,4	4,1	69	50
Сингапур	5,5	56,3	1,5	47	0,2	1,1	2	1
США	318,9	54,6	58,7	18	3,5	5,1	3	7
Вьетнам	90,7	2,1	1,7	28	9,5	16,3	56	90

* 2011 г.

Источник: World Bank (2016) База данных (www.worldbank.org); WTO (2015) База данных (www.wto.org); World Economic Forum (2015) The Global Competitiveness Report 2015–2016. Geneva. P. 8–9; World Bank (2015) Doing business 2015. Going Beyond Efficiency. P. 167–230.

например, стандартов на пищевые продукты, которые могут подорвать существующие в ЕС правила, такие как запрет на использование стимуляторов роста в производстве мяса, маркировки пищевой ГМ и стандартов защиты животных¹. Европейцы также критикуют предлагаемую систему разрешения коммерческих споров, которая ориентируется на корпоративные интересы и фактически создает параллельную систему правосудия.

Среди рисков для глобальной экономики, связанных с появлением ряда трансрегиональных партнерств, эксперты называют то, что они охватывают незначительное число стран и «обходят» большинство развивающихся стран. В частности, А. Вуд отмечает, что большинство развивающихся стран окажутся вне новых трансрегиональных альянсов, что еще больше усилит проблему экономического неравенства².

Даже в рамках новых альянсов наблюдаются серьезные различия в экономическом развитии отдельных их членов (см. табл. 2). В ТТП максимальные различия по душевому ВВП и доле в общем ВВП достигают 30 раз, по доле высокотехнологичной продукции в экспорте – до 12 раз. Велики исходные различия по уровню таможенной защиты, особенно по аграрной продукции (до 17 раз), что было одним из сложнейших предметов дискуссий на переговорах по подготовке этого соглашения. Существуют серьезные различия по уровню общей конкурентоспособности и условиям ведения бизнеса.

Эти различия могут существенно усугубиться в рамках новых общих пространств для движения товаров, услуг, капитала и стать причиной возникновения серьезных конфликтов как внутри стран-участниц ТТП так и между ними.

Серьезную угрозу представляет сокращение занятости, которое в ТТП может составить 770 тыс. рабочих мест и затронет в первую очередь более развитые страны³.

Еще один существенный аспект критики – корпоративная ориентированность ТТП и ТАТИП. Данные мегапартнерства нацелены на крупные ТНК и не помогают странам-участницам в развитии их человеческого потенциала, поддержке промышленности и развитии отдельных регионов⁴.

С другой стороны, такие новые партнерства, как ТТП, серьезно критикуют за то, что оно позволит иностранным компаниям оспаривать

¹ *Pelkmans J.* (2015) *An Overview and Comparison of TTIP Studies*. Berne: University of Berne, World Trade Institute. P. 146.

² *Wood A.* (2015) *Trade Reform and the Development Deficit Beyond 2015: Mega-regional Trade Agreements and their Impact on Developing Country Third-Party Members*. Paper prepared for the International Studies Association Global South Caucus. Singapore. 8–10 January. P. 5.

³ *Capaldo J., Izurieta A., Sandaram J.* (2016) *Trading Down: Unemployment, Inequality and Other Risks of the Trans-Pacific Partnership Agreement*. Tufts University (www.ase.tufts.edu/gdae). P. 1.

⁴ *Nakagawa J.* (2014) *TPP, RCEP and Global Trade Governance* (<https://www.swp-berlin.org>). P. 8.

решения государств и правительств в малопрозрачных международных арбитражных комиссиях.

В связи с возникновением новых экономических партнерств дальнейшее развитие получила теория *конкурентного регионализма*. Этот термин появился в 1990-е годы, но большинство работ, посвященных конкурентному регионализму применительно к межгосударственным альянсам, относятся к 2000–2010-м годам, когда резко возросло число многосторонних РТС и стали создаваться трансрегиональные альянсы¹.

Последние построены на принципах открытого регионализма, который подразумевает недискриминационные условия сотрудничества со странами, не вошедшими в определенный межгосударственный альянс, а также возможность участия в нескольких партнерствах.

Новые экономические партнерства вступают в очевидную конкуренцию между собой за новых участников (конкурентный регионализм, принцип «кнута» и «пряника», о которых говорилось выше). Именно конкуренция региональных и трансрегиональных альянсов может способствовать прогрессу глобализационных процессов и достижению ими более высоких уровней. Формально и неформально открытый характер новых трансрегиональных альянсов предоставляет широкие возможности расширения рынков и эффективного использования глобализации.

Поэтому существует и другая точка зрения о положительном влиянии трансрегионализации на мировое развитие. Ее сторонники считают, что формирование новых экономических партнерств не ведет к деглобализации мировой экономики.

По моему мнению, **трансрегионализация глобальной экономики «не убивает» и не поворачивает вспять процессы глобализации, которые имеют фундаментальный характер. Трансрегионализация – это новый этап глобализации, отличительной чертой которого является формирование межгосударственных экономических союзов нового типа, последующая их эволюция и возможное объединение.** Трансрегионализация в перспективе ускорит процесс глобализации мировой экономики, замедлившийся в условиях последнего финансово-экономического кризиса, придав ему новые краски и оттенки.

Для обоснования этого тезиса существует немало аргументов. Во-первых, большинство мегапроектов носит перекрестный характер за счет участия в них одних и тех же государств. В недавнем прошлом членство в одних региональных альянсах фактически исключало участие в других. Это было связано с их институциональной закрытостью и серьезными

¹ См., например, *Tovias A.* (2008) *The Brave New World of Cross-Regionalism*. CEPPI; *Solis M., Stallings B., Katada S.* (2009) *Competitive Regionalism: FTA Diffusion in the Pacific Rim*. Palgrave Macmillan; *Baldwin R., Low P.* (2009) *Multilateralizing Regionalism: challenges for the Global Trading System*. Cambridge University Press; *Keating M., Loughlin J.* (2013) *The Political Economy of Regionalism*. Business & Economics.

различиями условий функционирования. Однако в 2000-е годы отчетливо проявилась тенденция к расширению границ сложившихся альянсов за счет как приема новых членов, так и заключения двусторонних и многосторонних соглашений об ассоциации, в которые включались и страны, входившие в другие региональные союзы. Данная тенденция закрепились в создании трансрегиональных объединений. При этом наличие стран-участниц нескольких таких альянсов будет способствовать их сближению.

В современных условиях по-новому стоит обозначить роль таких стран-мостов между трансрегиональными объединениями. Если раньше государство называло себя «мостом» между тем или иным экономическим союзом, исходя, прежде всего, из своего транзитного географического положения, то сейчас главным критерием является адаптивность ее институтов к условиям хозяйствования в различных мегапартнерствах.

Во-вторых, мегапартнерства будут расширяться за счет вступления новых участников. Например, в отдельных раундах переговоров по ТТП участвовали еще 5 стран – Тайвань, Филиппины, Колумбия, Таиланд и Южная Корея, которые заявляли о своей заинтересованности во вступлении в партнерство. О таком же желании сообщила Индонезия.

В-третьих, наличие трансрегиональных партнерств не исключает возможность заключения преференциальных торговых и инвестиционных соглашений между странами, являющимися участниками разных мегапартнерств или других региональных альянсов. Например, Китай готовит комплексные инвестиционные соглашения с США и Евросоюзом. Затем они могут быть дополнены преференциальными торговыми соглашениями, что будет способствовать процессу глобализации мировой экономики в целом.

В-четвертых, трансрегионализация не только не ограничивает, но и ускорит системные глобализационные процессы в области коммуникаций, обмена информацией, человеческих контактов и т.п.

Например, во второй половине 2015 г. у цифровой платформы Facebook насчитывалось 1590 млн. активных пользователей в месяц, YouTube – 1000, WhatsApp – 1000, WeChat – 650, Alibaba (интернет-коммерция) – 407, Instagram – 400, Twitter – 320, Skype – 300, Amazon (интернет-коммерция) – 300, eBay (интернет-коммерция) – 159, LinkedIn (социальная сеть для поиска и установления деловых контактов) – 100 млн. На платформе Facebook размещали информацию 50 млн. мелких и средних предприятий (в 2013 г. было 25 млн., то есть прирост за 2 года составил 100%), при этом 30% их потенциальных потребителей находятся за рубежом¹.

В-пятых, новые мегапартнерства вызовут изменения в законодательстве стран, не вступивших в эти альянсы, способствующие снятию или

¹ MGI (2016) Digital globalization: The new era of global flow. MacKinsey. March. P. 6, 7.

Таблица 3

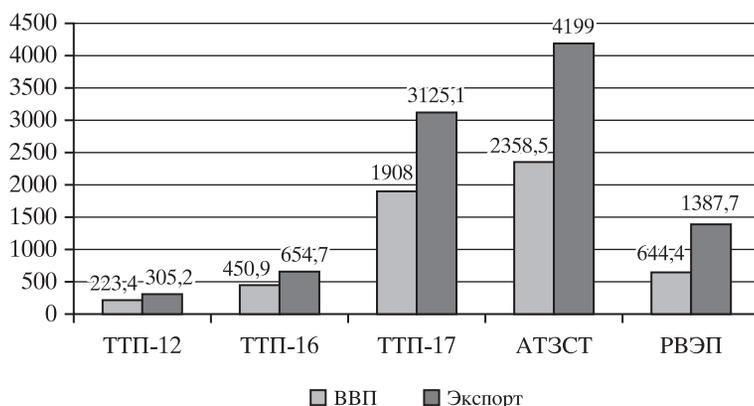
Прирост (+)/снижение (–) ВВП до 2025 г. в отдельных странах в связи с созданием новых экономических партнерств, млрд. долл.

	ТТП-12	ТТП-16	ТТП-17	АТЗСТ	РВЭП
Австралия	6,6	9,8	34,1	32,5	19,8
Бруней	0,2	0,4	1,7	1,4	1,2
Канада	8,7	12,4	33,2	31,4	–0,1
Чили	2,5	3,5	7,8	8,6	0,0
Япония	104,6	128,8	237,3	233,1	95,8
Малайзия	24,2	30,1	45,4	44,7	14,2
Мексика	9,9	31,2	91,1	76,3	2,8
Новая Зеландия	4,1	4,7	7,2	6,9	1,9
Перу	3,9	5,4	8,4	7,7	0,0
Сингапур	7,9	12,3	27,1	26,5	2,4
США	76,6	108,2	327,6	328,2	–0,1
Вьетнам	35,7	48,7	71,9	81,1	17,3
Китай	–34,8	–82,4	808,6	837,1	249,7
Республика Корея	–2,8	50,2	136,3	132,7	82,0
Индия	–2,7	–6,9	–29,3	–37,1	91,3
Россия	–1,4	–3,0	–16,3	339,5	–5,3
Мировая экономика в целом	223,4	450,9	1908,0	2358,5	644,4

Источник: Petri P., Plummer M., Zhai F. (2014) China in the TTP (<http://asiapacifictrade.org/wp-content/uploads/2012/10/Adding-China-to-the-TPP-4feb14.pdf>).

уменьшению протекционистских барьеров, принятию цивилизованных правил международной торговли и инвестиций и т.п. Это будет стимулировать развитие глобализационных процессов.

Подтверждением вывода о **системном положительном влиянии трансрегионализации на процессы глобализации** служат прогнозы, показывающие возрастающую эффективность новых мегапартнерств в случае их расширения. В этом смысле интересны оценки экспертов американского Института международной экономики Петерсона, которые были сделаны еще в 2012 г. и уточнены в 2014 г. Эксперты рассчитали выигрыши отдельных стран трансрегиональных альянсов к 2025 г., включая различные варианты их развития. Оценки были

Источник: Petri P., Plummer M., Zhai F. (2014) China in the TPP (<http://asiapacifictrade.org/wp-content/uploads/2012/10/Adding-China-to-the-TPP-4feb14.pdf>).

Рис. 3. Прирост ВВП и экспорта до 2025 г. в мире в связи с созданием новых экономических партнерств, млрд. долл.

даны для ТПП-12, ТПП-16 (ТПП-12+Республика Корея, Индонезия, Филиппины и Таиланд), ТПП-17 (ТПП-16+Китай), РВЭП (16). Для нас любопытен прогноз с учетом присоединения к ТПП-17 России и ряда других стран АТЭС¹, не вошедших в ТПП-17, и крупных стран РВЭП, которые объединяются в данной работе в новый альянс – Азиатско-Тихоокеанскую ЗСТ (АТЗСТ).

Как видно из табл. 3, прирост ВВП растет по мере увеличения количества участников альянса. Максимальным он будет в случае АТЗСТ, то есть объединения участников ТПП-12, РВЭП, России и ряда других стран АТЭС. При этом для России создание трансрегиональных альянсов без ее участия приводит к экономическим потерям.

С точки зрения прогресса глобализации важны показатели прироста мирового экспорта. До 2025 г. наибольшее его увеличение также даст АТЗСТ – 4199,0 млрд. долл., против 305,2 у ТПП-12; 654,7 у ТПП-16; 1387,7 у РВЭП и 3125,1 млрд. долл. у ТПП-17. Такая динамика, опережающая рост ВВП, говорит о прогрессе процессов глобализации (см. рис. 3).

Есть предварительные оценки выигрыша и от ТАТИП. Как отмечается в докладе европейского Центра исследований в области экономической политики (CEPR), ТАТИП приведет до 2027 г. к ежегодному приросту

¹ АТЭС – свободный консультативный форум, созданный в 1989 г. В настоящее время в работе АТЭС участвует 21 страна, имеющая прямой выход к Тихому океану. Россия присоединилась к АТЭС в 1998 г. В 1994 г. в Богорской декларации в качестве стратегической цели было объявлено создание к 2020 г. в АТР системы свободной торговли и либерального инвестиционного режима. На саммите АТЭС в ноябре 2015 г. акценты в его деятельности были перенесены с интеграции на внутренние вопросы устойчивого социально-экономического развития.

ВВП в 120 млрд. евро в ЕС (0,5% ВВП) и ежегодному росту ВВП на уровне 95 млрд. евро в США (0,4% ВВП). Экспорт товаров и услуг ЕС в США вырастет на 28%, или на 187 млрд. долл., а импорт ЕС из США вырастет на 159 млрд. долл. Не менее 80% выигрыша от ТАТИП даст ликвидация бюрократических барьеров¹. При этом либерализация торговли и инвестиций должна привести к снижению потребительских цен и повышению качества товаров, то есть к непосредственным выгодам потребителей.

* * *

Таким образом, в среднесрочной перспективе получают мощное развитие тенденции трансрегионализации, которые существенным образом переформируют глобальное экономическое пространство. Движущей силой новых экономических мегапартнерств выступают США, ЕС, Китай, АСЕАН. Притягательность сотрудничества с ними эти экономические игроки обеспечивают в первую очередь благодаря своей экономической и технологической мощи, а также вследствие действия рыночных факторов на основе либерализации трансграничного движения товаров, услуг, инвестиций. Учитывая, что уже заявленные экономические партнерства охватят до 90% мирового ВВП, они становятся серьезным вызовом для глобальной системы разделения труда в целом и для ее отдельных участников. Это требует выработки и проведения ответственной экономической политики стран, не вошедших в такие альянсы. Эта политика должна быть направлена на повышение конкурентоспособности национальной экономики и поиск взаимовыгодных партнерств, способствующих достижению данных целей.

¹ CEPR (2013) Transatlantic Trade and Investment Partnership The Economic Analysis Explained. September. P. 6–7 (http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013/september/tradoc_151787.pdf).